

ISSN 1392–8295

UK
Universytet
Humanistyczno - Przyrodniczy
Jana Kochanowskiego w Kielcach

mokslo darbai transactions

RESPECTUS PHILOLOGICUS

2010 Nr. 17 (22)

RESPECTUS PHILOLOGICUS Nr. 17 (22)

MOKSLINIS TĘSTINIS LEIDINYS

Leidžia Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas ir Jano Kochanovskio humanitarinių ir gamtos mokslų universiteto Humanitarinis fakultetas Kielcuose du kartus per metus (balandžio 25 d. ir spalio 25 d.)

CZASOPISMO NAUKOWE

Wydawcy: Wydział Humanistyczny Filia Uniwersytetu Wileńskiego w Kownie i Uniwersytet Humanistyczno-Przyrodniczy Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach. Ukazuje się dwa razy w roku: 25 kwietnia i 25 października.

ONGOING ACADEMIC PUBLICATION

Published twice a year (April 25, October 25) by Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities and Jan Kochanowski University of Humanities and Natural Sciences Faculty of Humanities in Kielce

Referuojamas ir atspindimas tarptautinėse duomenų bazėse / Referowane i indeksowane w międzynarodowych bazach danych / Abstracted and indexed by the international databases:

Balcan Rusistics (2004)

<http://www.russian.slavica.org>

Russian Language, Literature and Cultural Studies

CEEOL (2005)

<http://www.ceeol.com>

Central and Eastern European Online Library

EBSCO (2006)

<http://www.ebsco.com>

Humanities International Complete
Current Abstracts
Humanities International Index
TOC Premier

MLA (2007)

<http://www.mla.org/>

Modern Language Association International Bibliography

Index Copernicus (2008)

<http://www.indexcopernicus.com>

Index Copernicus

Redakcijos adresas / Adres redakcji / Address of the editorial office

Žurnalas „Respectus Philologicus“

Vilniaus universitetas

Kauno humanitarinis fakultetas

Muitinės g. 8, Kaunas LT-44280, Lietuva

Tel. +370 37 750 536

El. paštas / E-mail respectus@gmail.com

Interneto svetainė / Strona internetowa / Homepage <http://filologija.vukhf.lt>

Redagavo / Redakcja / Edited by

Gabija Bankauskaitė-Sereikienė (lietuvių kalba / język litewski / the Lithuanian language)

Beata Piasecka (lenkų kalba / język polski / the Polish language)

Jurga Cibulskienė (anglų kalba / język angielski / the English language)

Larisa Lavrinec (rusų kalba / język rosyjski / the Russian language)

Pagrindinė redaktorė / Redaktor prowadzący / Publishing editor

Viktorija Makarova

ISSN 1392-8295

© Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2010

© Uniwersytet Humanistyczno-Przyrodniczy Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach, 2010

TURINYS / SPIS TREŚCI

I. PROBLEMOS IR SPRENDIMAI / PROBLEMY I ICH ROZWIĄZANIA

- Jurga Cibulskienė** (Lietuva / Litwa). Are Ideologies Reflected in Metaphors? 11
- Лара Н. Синельникова** (Rusija / Rosja). Адресант как alter ego адресата 26

II. FAKTAI IR APMASTYMAI / FAKTY I ROZWAŻANIA

- Олег Н. Гринбаум** (Rusija / Rosja). Третья глава романа А. С. Пушкина
«Евгений Онегин»: письмо Татьяны Лариной в ритмико-смысловом освещении 43
- Jadvyga Krūminienė** (Lietuva / Litwa). Oscar Milosz as Translator: Playing Games
with Memory 55
- Magdalena Ożarska** (Lenkija / Polska). 19th-Century Lake District as a Land of Tourists,
Homemakers and Writers: a Selection of Writings by Dorothy Wordsworth,
William Wordsworth and Harriet Martineau 67
- Inga Bartkuvienė** (Lietuva / Litwa). Tautiškumo metmenys Homi K. Bhabha'os teorijoje 79
- Mindaugas Grigaitis** (Lietuva / Litwa). Jacques'o Derrida dekonstrukcija:
teoriniai postulatai ir taikymo galimybės 94
- Janusz Detka** (Lenkija / Polska). Epizod „wschodni” w polskiej poezji lat 1955–1957 106
- Kristina Bačiulienė** (Lietuva / Litwa). Marcelijaus Martinaičio eilėraščių rinkinio
„K. B. įtariamasis“ pasaulėvaizdis 120
- Елена А. Нахимова** (Rusija / Rosja). Метафорическая проекция и концептуальная
интеграция в политической коммуникации 130
- Anna Bijušienė** (Baltarusija / Białoruś). Verbs of Period and Existence
in Political Discourse 139
- Анна В. Владимирова, Татьяна Г. Скребцова** (Rusija / Rosja). Коммуникативные
стратегии в дискурсе женских и мужских глянцевого журналов как отражение
гендерной специфики поведения 148
- Joanna Bryła** (Lenkija / Polska). Związki frazeologiczne funkcjonujące w prasowych
komunikatach dotyczących mody 159
- Michael Louis Bakalinsky** (Ukraina / Ukraina). New Theory and Methodology
of Social Dialect Studies: US Underworld Social Dialect as a Case in Point 170
- Tatiana V. Poplavskaja, Tatiana I. Svistun** (Baltarusija / Białoruś). The Interrelation
between Types and Functions Abbreviations Perform in the Internet-Discourse 186
- Vilhelmina Vitkauskienė** (Lietuva / Litwa). Elektroninio kalbų mokymo interakcijos sąvoka:
mokslų tiriamųjų darbų apžvalga 195
- Bernd Gliwa** (Latvija / Lotva), **Daiva Šeškauskaitė** (Lietuva / Litwa). Kas bendra
tarp *dievmedis* ir *dievas, dievai*? 205

III. NUOMONĖ / OPINIE I POGLĄDY

- Ольга Ягинцева** (Estija / Estonia). Сущ. глек ‘глиняный горшок’
в этнолингвистическом и этимологическом аспектах219

IV. MŪSŪ VERTIMAI / NASZE PRZEKŁADY

- Patrick Seriot** (Šveicarija / Szwajcaria). Oksimoronas ar nesusipratimas?
Annos Wierzbickos universaliosios natūraliosios semantinės metakalbos universalusis
reliatyvizmas. II dalis. *Vertė / Tlum. Vilhelmina Vitkauskienė*227

V. MOKSLINIO GYVENIMO KRONIKA / KRONIKA ŻYCIA NAUKOWEGO

Knygų recenzijos / Recenzje książek

- Saulius Lapinskas** (Lietuva / Litwa). MELNIKIENĖ, Danguolė, 2009. *Dvikalbiai žodynai
Lietuvoje: megastruktūros, makrostruktūros ir mikrostruktūros ypatumai*233
- Элеонора Лассан** (Lietuva / Litwa). ЛАРИНА, Татьяна, 2009. *Категория вежливости
и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных
традиций*237
- Галина Михайлова** (Lietuva / Litwa). ЧЕРНЫХ, В. А., 2008. *Летопись жизни
и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966*241
- Barbara Greszczuk** (Lenkija / Polska). LUCIŃSKI, Kazimierz, 2009. *Языковые
заимствования и ментальность*247
- Anonsai / Zapowiedzi249

VI. REIKALAVIMAI STRAIPSNIAMS / ZASADY OPRACOWYWANIA PUBLIKACJI.....250

VII. MŪSŪ AUTORIAI / NASI AUTORZY258

II. FAKTAI IR APMAŠTYMAI / FAKTY I ROZWAŻANIA

Олег Н. Гринбаум

Санкт-Петербургский государственный университет
 Университетская наб., 11, 199034 Санкт-Петербург, Россия
 Тел.: +7 812 328 95 19
 E-mail: oleg@og3580.spb.edu

Область научных интересов автора: поэтика, гармония, когнитивная лингвистика, «золотое сечение»

ТРЕТЬЯ ГЛАВА РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»: ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ В РИТМИКО-СМЫСЛОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

В статье рассмотрены вопросы, связанные с эмоционально-смысловым восприятием письма Татьяны Лариной (третья глава романа Пушкина «Евгений Онегин»). Письмо Татьяны Лариной по праву считается одним из лучших образцов русской лирики, оно написано вольным 4-стопным ямбом (в отличие от основной поэтической формы романа – Онегинской строфы) и представляет собой особый, «вставной» текст пушкинского повествования. Текст признания Татьяны в любви к Онегину, написанный Пушкиным от имени своей главной героини, был практически готов в самом начале работы поэта над третьей главой, но в итоге размещен в последней четверти главы (после ее XXXI строфы). Согласно исследованиям пушкинистов, Пушкин после написания V строфы примерно месяц обдумывал возможные сценарии развития своего романа, итогом чего стала «не-встреча» сердец его главных героев (временная разделенность чувств). Эти факты придают особую когнитивно-литературоведческую интригу всем тридцати начальным строфам главы, поскольку поэт, уже зная основную сюжетную линию повествования, все медлил и медлил с предъявлением читателю центрального фрагмента этой главы. С позиций гармонического и одновременно ретроспективного анализа поэтического текста данное обстоятельство лишний раз указывает на необходимость динамического изучения крупных фрагментов текста и их оценивания в рамках общего контекста развития сюжета.

В нашей работе историко-литературные факты проанализированы с позиций единого ритмо-смысла поэтического текста, в ней рассмотрены особенности структурной и ритмико-динамической гармонии текста письма Татьяны Лариной, показана способность методов гармонического (эстетико-формального) стиховедения выявлять точки роста сюжетной линии романа в аспекте его ретроспективного анализа. Все это позволяет расширить известные в литературоведении положения о способах и средствах формирования реальных «точек роста» (точек развития сюжета) в поэтических текстах Пушкина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стиховедение, гармония, ритм, математика, «золотое сечение».

Поэт следует своему чувству, между тем, он незримо руководствуется законами математики.

Н. И. ЛОБАЧЕВСКИЙ

В нашей предыдущей публикации (Гринбаум 2009) мы обсуждали вопросы, связанные с эмоциональной стороной восприятия образа Татьяны Лариной во второй главе романа Пушкина «Евгений Онегин». Сегодня вниманию читателей предлагается ритмико-смысловой анализ одного из лучших поэтических шедевров русской лирики – текста письма Татьяны Лариной из третьей главы «Евгения Онегина». Целью работы по-прежнему остается изучение пушкинской поэзии с позиции гармонического стиховедения, для которого одним из постулатов являются слова самого Пушкина: «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах – вот чего требует сердце наше» (Пушкин 1949, с. 421). Анализ поэтического текста ведется на базе метода ритмико-гармонической точности стиха, в основе которого лежит принцип «золотого сечения» в его статической и динамической формах (Гринбаум 2007). В рамках рецептивного подхода исследуются суггестивные особенности стихотворной речи в письме Татьяны Лариной, а также возможности ритмико-экспрессивных параметров стиха отражать положительные и отрицательные эмоции главной героини романа и, соответственно, читателей пушкинских стихов. Экспрессивно-гармонический анализ письма Татьяны Лариной выполнен в рамках полного ритмико-смыслового комментария к третьей главе «Евгения Онегина», который мы надеемся опубликовать в ближайшем будущем.

1. Ритм и содержание третьей главы романа

Третья глава романа была начата Пушкиным в Одессе в феврале 1824 года, завершена в октябре того же года в Михайловском, но впервые опубликована лишь в октябре 1826 года. С одной стороны, это одна из самых коротких глав романа, а с другой – новаторская во многих своих поэтико-стилистических отношениях: в ней впервые в романе «Евгений Онегин» (далее – ЕО) появляются «вставные» тексты (письмо Татьяны и песня Девушек), впервые автором используется диалогическая речь и особый стилистический прием – строфический перенос («И задыхаясь на скамью / Упала...»). Но главное, пожалуй, в том, что в третьей главе начинается *действие* романа: Татьяна влюбляется в Онегина и пишет ему письмо. Эта глава, по мнению В. В. Набокова, «с ее в высшей степени функциональными отступлениями и энергичным потоком событий являет собой наиболее гармонично слаженную конструкцию с отточенным корпусом и симметричными крыльями» (Набоков 1998, с. 54). Повествовательная канва третьей главы в интерпретации В. В. Набокова выглядит следующим образом (Набоков 1998, с. 51):

Глава третья включает сорок одну строфу и отрывок со свободной схемой рифмовки в семьдесят девять стихов – «Письмо Татьяны к Онегину», а также «Песню девушек» из восемнадцати хореических стихов. Центром главы является письмо Татьяны. Письмо предваряют двадцать пять строф (VII–XXXI), постепенно

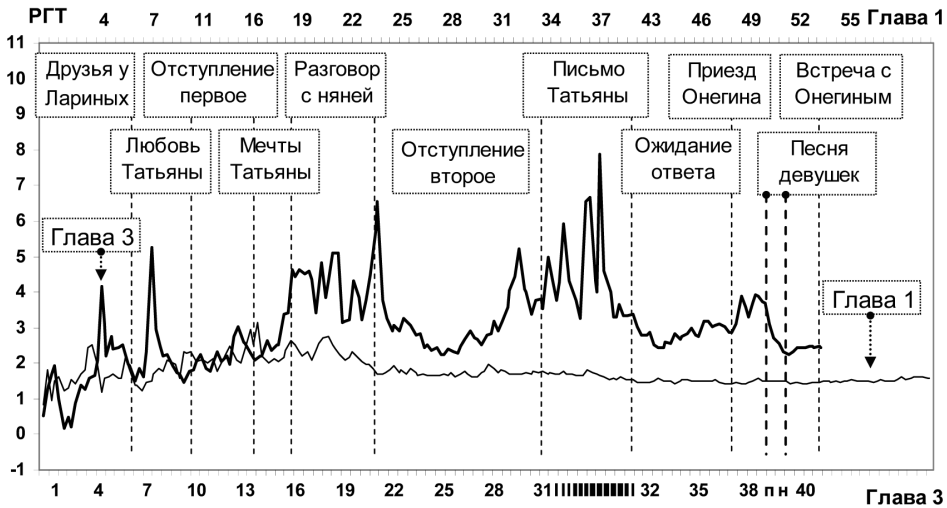

Рис. 1. Ритмодинамическая панорама первой и третьей глав ЕО (тонкая линия – глава первая; внизу по горизонтальной оси – номера строф третьей главы)

подводящие к нему читателя, далее следуют шесть строф, где говорится о его отправке и последующем ожидании. Таким образом, тридцать одна строфа и центр главы, письмо, посвящены описанию любви Татьяны к Онегину, и эта основная часть песни симметрично обрамлена двумя приездами Онегина в имение Лариных. Посещение, с которого начинается глава, занимает первые шесть строф (I–VI), а посещение, которым она заканчивается, охватывает заключительные четыре строфы (XXXVIII–XXXIX, XL–XLI) с песней в середине последнего пассажа.

В отличие от «до удивления незамысловатой» второй главы романа (Непомнящий 1999, с. 112), читатель третьей главы ЕО сразу погружается в атмосферу яркой романтико-драматической коллизии: уже в начальных строфах, в первом диалоге Онегина и Ленского «затягивается первый роковой узел. Онегин, чтобы разогнать скуку, решает отправиться вместе с другом в гости к

Лариным, а уж далее за дело берется судьба» (Набоков 1998, с. 52).

Картина соотносительности гармонического ритма (параметра РГТ) и содержания третьей главы ЕО показана¹ на рис. 1. Мы приводим этот рисунок с той целью, чтобы на общем фоне поведения параметров гармонии РГТ и экспрессии K_3 читателю было легче следить за нашими аналитическими рассуждениями применительно к основной части данного исследования (письму Татьяны Лариной).

Внимательный взгляд на панораму ритмико-экспрессивной динамики поэтической мысли в третьей главе ЕО позволяет сразу же отметить особо «беспокойное» поведение параметров РГТ в пределах двух фрагментов повествования: Разговора Татьяны с ня-

¹ Краткое описание параметров РГТ и K_3 и способы их вычисления см., напр., в: (Гринбаум 2009, с. 27-28).

ней и Письма Татьяны – центрального фрагмента главы. Не менее интересны и другие фрагменты третьей главы: например, в начальных строфах главы изменение величин РГТ в целом носит весьма плавный (волнообразный) характер (рис. 1), но экспрессивность ведет себя здесь совсем иначе и, хотя величины K_3 далеки от максимальных, вполне логично предположить, что появление таких резких перепадов значений K_3 имеет под собой веские смысловые основания.

2. Историко-литературный контекст письма Татьяны Лариной

Центральный фрагмент третьей главы пушкинского романа – знаменитое письмо Татьяны Лариной – это первый из четырех «вставных» текстов², если не считать Предисловия к ЕО. Данный фрагмент находится между строфами XXXI и XXXII третьей главы, он написан вольным 4-стопным ямбом и включает 79 строк, разделенных на четыре части. «Здесь, – по мнению Г. П. Макагоненко, – роман достигает кульминации» (Макагоненко 1987, с. 385), а сами стихи «жгут страницы», о чем уже в 1827 году писал журнал «Северные цветы»³. Позднее В. Г. Белинский констатировал, что «письмо Татьяны свело с ума всех русских читателей, когда появилась третья глава “Онегина”. Мы вместе со всеми думали в нем видеть высочайший образец откровения женского сердца» (Белинский 1948, с. 147). Из множества других ярких оценок этого фрагмен-

та приведем лишь две: «чудные стихи» – так о письме Татьяны отозвался П. Анненков⁴, и «гениальные русские стихи» – С. Г. Бочаров (Бочаров 1974, с. 75).

Первое упоминание о грядущем письме Татьяны читатель встречает задолго до самого текста Письма, когда читает в X строфе третьей главы⁵:

Вздыхая, и себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвенье шепчет наизусть
Письмо для милого героя... (X)

Но пройдет еще много времени (половина главы!), прежде чем поэт предъяснит «перевод на русский язык» своего поэтического шедевра. Между этими двумя эпизодами появится и рассуждение поэта о разных сюжетных линиях романного повествования (сентиментальной, романтической и семейной – строфы XI–XIV), и рассказ о мечтах Татьяны (строфы XV–XVI), и ночной разговор Татьяны с няней, который занимает четыре полные строфы (XVII–XX) и часть XXI строфы, и вновь – долгое (в десять строк) «лирическое отступление» поэта, где вначале он стремится «объяснить поступок Татьяны, сравнив ее искреннюю и пылкую душу с душой холодных светских красавиц» (Набоков 1998, с. 53), а затем рассказывает, почему французский текст письма Татьяны следует перевести на русский язык.

Согласно исследованиям пушкинистов, Пушкин после написания V строфы примерно месяц обдумывал возможные сценарии развития своего романа,

² К «вставным» текстам ЕО относятся письма Татьяны (глава 3) и Онегина (глава 8), песня Девушек (глава 3) и элегия Ленского (глава 6).

³ Цит. по: (Бочаров 1974, с. 72).

⁴ Цит. по: (Набоков 1998, с. 332).

⁵ Ссылки на фрагменты текста даются в скобках, где при необходимости курсивом указывается номер главы, римскими цифрами – номер строфы, арабскими – номер строки (строк).

итогом чего стала «не-встреча» сердец его главных героев (временная разделенность чувств). Другой и не менее интересный факт заключается в том, что «письмо Татьяны было, – по предположению С. А. Фомичева, – написано поэтом тогда, когда третья глава была едва-едва начата», поэтому «вполне естественным было желание Пушкина задним числом дописать предшествующие письму строфы» (Фомичев 1983, с. 36, 38). К тому же ряду относится и история со знаменитой строфой «Я помню море пред грозою...», восемь строк которой в черновике были записаны среди строф третьей главы, но в окончательном виде перенесены Пушкиным в первую главу и напечатаны в ней под номером XXXIII.

Последнее обстоятельство крайне важно для оценки эмоционального фона рассматриваемого фрагмента третьей главы. Пушкин «навсегда отказывается от искусства сделать своего героя поэтом» (Шварцбанд 2004, с. 172) и уже знает, что Татьяна первой откроет свое сердце Онегину. Но сильные романтические чувства самого поэта и блестящий поэтический слог строфы «Я помню море пред грозою...» никак не соотносились с заданным в строках V строфы третьей главы печально-разъединительным вектором развития сюжета:

Я выбрал бы другую,
Когда б я был как ты поэт...

Именно эта разность настроений и обусловила, на наш взгляд, перенос строфы «Я помню море пред грозою...» в первую главу ЕО.

Далее. Принятая в качестве основной драматическая коллизия «непоэтический герой (Онегин) – поэтическая

героиня (Татьяна)» (Бочаров 1999, с. 21-22) не могла бы мгновенно кристаллизироваться в сознании читателя: по-эту «естественно», как писал С. А. Фомичев, требовалось время и, соответственно, пространство романного повествования для постепенного объяснения своего нелегкого выбора. Так появляются рассуждения Пушкина «о романах» (В. В. Набоков), за которыми скрываются знания о традиционных сюжетных линиях в произведениях своих предшественников-романистов (сентименталистов и романтиков), а также обещание написать когда-нибудь семейный роман в прозе (строфы X–XIV). Но обращение к читателю в начале строфы XIII:

Друзья мои, что толку в этом?

указывает на то, что линии судьбы пушкинских героев вовсе не обязаны и не будут следовать в русле классических сюжетов, они станут такими, как то диктует сама жизнь.

3. Архитектоника письма Татьяны Лариной

Текст письма Татьяны разделен на четыре части, последняя из которых состоит из четного числа строк (одного 4-стишия) в противоположность трем предыдущим частям текста: объем первой части Письма равен 21 строке, второй части – 9 строкам, а третья часть насчитывает 45 строк. Заключительное 4-стишие выполняет, по нашему мнению, функцию гармонического, естественно-смыслового замыкания всего текста Письма и в этом его роль аналогична последнему дистиху Онегинской строфы⁶. Отметим, что последнее 4-стишие не толь-

⁶ Подробнее см.: (Гринбаум 2000, с. 97-108).

ко много короче предыдущих частей, оно имеет четную, симметрическую в структурном отношении природу, тогда как каждая из всех остальных частей – несимметрична, нечетна.

В эмоциональном плане финальное 4-стишие письма Татьяны знаменует собой возврат героини романа к реальностям бытия – после душевного прорыва в другое чувственное измерение, за границы земного притяжения, в небеса. Переход с «вы» на «ты» происходит в третьей и самой длинной части письма, в ней и только в ней Татьяна говорит с Онегиным на «ты»: «То воля неба: я твоя», или «Я знаю, ты мне послан богом...», или «Я жду тебя...» В первых двух частях Письма, а также в его заключительном 4-стишии Татьяна обращается к своему герою только на «вы».

Весьма показателен анализ рифменных цепей в письме Татьяны. Здесь каждая из первых трех частей включает один нечетный строфоид. Первая и вторая части письма Татьяны начинаются 7-стишием и 5-стишием соответственно, а в третьей части после двух 4-стишных рифменных цепей следует 13-строчный фрагмент со сложным переплетением окончаний, которые можно представить и формулой (4+9), и как (8+5), и как единое 13-стишие. Заметим для сравнения, что в письме Онегина (глава восьмая) ничего подобного нет – оно и начинается, и заканчивается 4-стишиями одинаковой охватной рифмовки *aBbA*, тогда как письмо Татьяны начинается 7-стишием с рифмовкой *AbAbAcc*, а заканчивается 4-стишием перекрестной рифмовки *aBaB*.

Далее. Геометрический центр в письме Онегина очевиден – первые три части Письма и три его вторые части

имеют одинаковый объем в 30 строк. Симметрия и в этом аспекте поэтической формы в письме Онегина – полная, но здесь важнее другое обстоятельство: 30 строк в «женском» письме Татьяны – рубеж, здесь заканчивается «земная» часть любовного послания. С 31-й строки от начала письма Татьяны, со строки «Другой!.. Нет, никому на свете...» начинается «неземная» его часть, вознесение – один из лучших во всем романе поэтический фрагмент. Граница между 30-й и 31-й строками – единственная, в которой оба письма структурно выравниваются. Но если в «мужском» письме эта граница отражает и подчеркивает симметричность поэтической конструкции, то в «женском» – это асимметричный смысловой центр повествования. Этот центр и идеологически, и формально делит весь текст письма Татьяны на две гармонические (в пределах целого) части, соотносимые с «золотыми» числами «божественной пропорции». Более того, эти части гармоничны не только в структурном аспекте, но и в ритмико-смысловом – речь об этом пойдет ниже.

4. Структурная гармония текста письма Татьяны

Рассмотрим некоторые вопросы структурной гармонии текста письма Татьяны. Мы представим здесь лишь те факты, которые видны невооруженным глазом.

Число «30» делит весь текст письма Татьяны на две неравные части, а тройка чисел (30–49–79) принадлежит гармоническому ряду Фибоначчи с начальными значениями (3, 8). То же число «30» в сопоставлении с объемом третьей, особой части письма Татьяны (45 строк) и с

объемом всего Письма (за исключением последнего 4-стишия) образует тройку чисел (30–45–75) или $15 \times (2-3-5)$. Последовательность (2–3–5) нам уже хорошо знакома – это начало основного гармонического ряда Фибоначчи, который соответствует «линии жизни и любви» Татьяны (Гринбаум 2004, с. 9) и, отметим еще раз, принципу ритмико-строфической организации русского 4-, 5- и 6-стопного ямба.

Другой взгляд на тот же текст показывает, что суммарный объем трех частей письма Татьяны, тех частей, в которых героиня обращается к Онегину на «вы», равен 34 строчкам. Число «34» принадлежит тому же основному ряду Фибоначчи (1–2–3–5–8–13–21–34–...), а 34-я строка от начала текста («То воля неба, я твоя») – та самая строка, в которой, как мы увидим чуть ниже (рис. 20), величины ритмико-гармонической точности РГТ и экспрессии K_3 крайне резко и одновременно возрастают, лишь чуть-чуть не достигая своего абсолютного максимума. Эта строка начинает 13-строчный (опять нечетное число 13!) отрывок максимальной эмоциональности, завершающийся трехстишием, последняя строчка которого характеризуется абсолютными (во всей третьей главе ЕО) максимумами величин РГТ = 7,88 и $K_3 = 38,12$:

Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
 Вся обомлела, запылала
 И в мыслях молвила: вот он!

Строка с тем же номером «34», но уже от начала третьей, «неземной» части Письма начинает новое 4-стишие:

Но так и быть! Судьбу мою
 Отныне я тебе вручаю...

Эти строки не только говорят о решительной и цельной натуре Татьяны

(которая вполне отдает себе отчет о возможных последствиях своего отчаянного поступка), но и знаменуют собой переход к заключительной, более спокойной 16-строчной ($16 = 2 \times 8$) ритмико-экспрессивной фазе повествования – без прежних огромных эмоциональных перегрузок⁷.

5. Ритмико-экспрессивный анализ письма Татьяны Лариной

Предшествующая письму Татьяны строфа XXXI третьей главы ЕО характеризуется (см. рис. 1) весьма высоким уровнем параметра РГТ и зигзагообразным поведением параметра K_3 , причем последний дистих XXXI строфы приводит к очередному усилению экспрессии (от практически нулевой до значения $K_3 = 3,82$).

Ритмико-гармоническая панорама первых двух частей письма Татьяны отличается удивительной синхронностью в поведении параметров РГТ и K_3 : если РГТ растет, то K_3 тоже растет, и наоборот, причем перепады значений между локальными минимумами и максимумами и того и другого параметра весьма велики (см. рис. 2).

Вспомним начальные строки Пушкина из уже прочитанной нами XXIV строфы⁸:

За что ж виновнее Татьяна?
 За то ль, что в *милой простоте*
 Она не ведает обмана
 И верит избранной мечте? (XXIV, 1-4)

⁷ Отметим, что в противоположность письму Татьяны, ритмико-динамическая картина письма Онегина значительно менее выразительна – см.: (Гринбаум 2004, с. 10-15).

⁸ Здесь и далее курсив наш, другие случаи оговариваются особо.

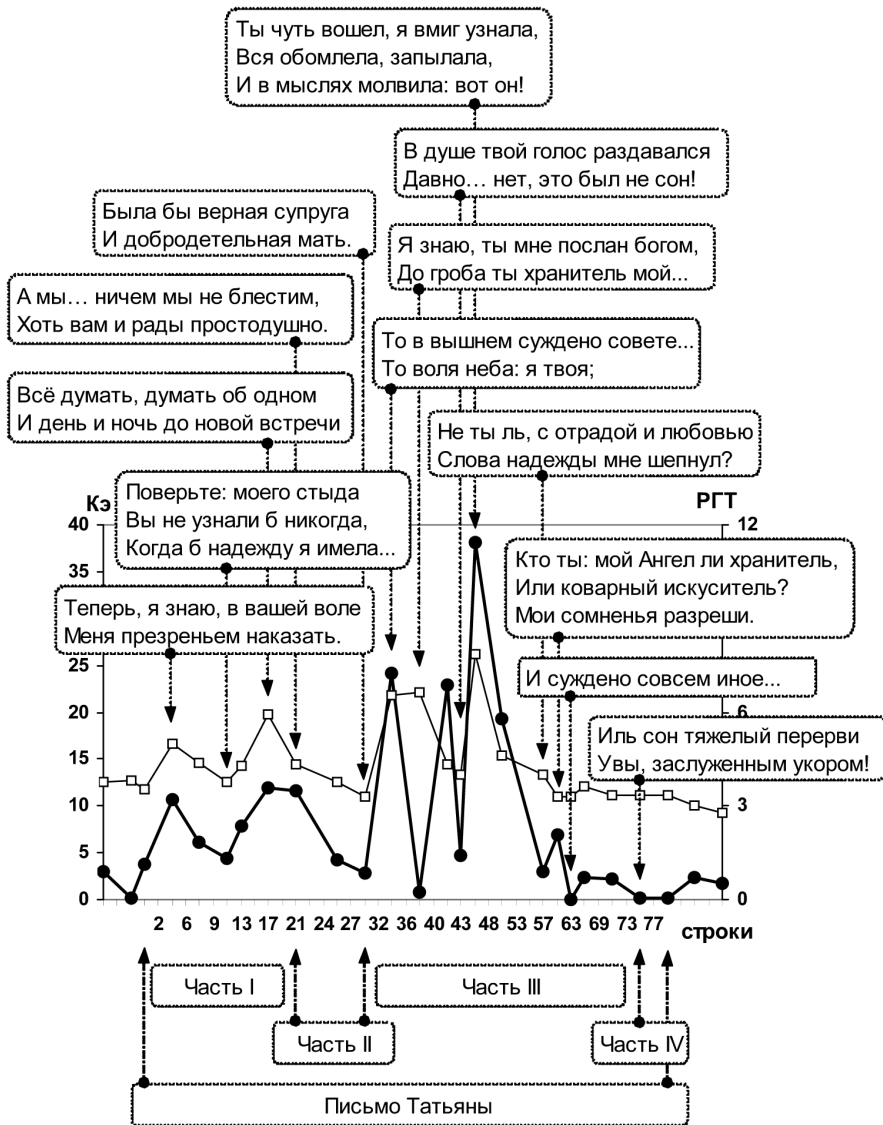

Рис. 2. Гармония и экспрессия ритма в тексте фрагмента третьей главы «Письмо Татьяны» (тонкая линия – РГТ; по горизонтальной оси – номера строк Письма)

Вспомним еще и небольшой фрагмент из XXV строфы:

Татьяна любит не шутя
И предается безусловно
Любви, как *милое дитя*. (XXV, 2-4)

Именно эти качества Татьяны отражаются в поведении параметров РГТ

и K_3 . Действительно, если разговор в Письме идет о любви, то гармония и экспрессия синхронно растут, если мрачные мысли одолевают героиню романа – те же параметры синхронно уменьшаются: эмоции у «дитя» такими и бывают: если радость – то всегда восторг, если печаль – то всегда слезы.

Первое 4-стишие Письма (см. рис. 2) – подъем ($РГТ = 4,99$; $K_3 = 10,71$), затем к концу седьмой строки – спад ($РГТ = 4,36$; $K_3 = 6,15$):

Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.

Спад продолжается до строки 11 («Когда б надежду я имела»), где $РГТ = 3,76$ и $K_3 = 4,43$; затем 6-стишие нового подъема, включая строки:

Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи...

где $РГТ = 5,91$ и $K_3 = 11,88$. Далее, начиная с 18 строки, со слов:

Но говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне всё вам скучно...

новый спад длиною в 12 строк, который протянулся не только до конца первой части ($РГТ = 4,33$; $K_3 = 11,59$), но и до конца всей второй части Письма ($РГТ = 3,27$; $K_3 = 2,84$). Вспомним, как начинается и как заканчивается вторая часть Письма:

Зачем вы посетили нас?
...
Не знала б горького мученья
...
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

«Быть верной и добродетельной,— комментировал эти строки Г. П. Макагоненко,— это была действительная потребность души Татьяны. Верилось только, что друг будет избран по сердцу. Но и это не сбылось» (Макагоненко 1963, с. 130). Нисходящая траектория значений ритмико-экспрессивных параметров – упреждающее тому подтверждение будущих событий романа.

Начало третьей (центральной) части

письма Татьяны демонстрирует иное поведение параметров гармонии и экспрессии: три пика этих параметров ведут к их абсолютным значениям в третьей главе, хотя вторые максимумы $РГТ$ и K_3 по фазе не совпадают: в конце первого восьмистишия (38-я строка Письма):

Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...

величина $РГТ = 6,65$, но экспрессия минимальна ($K_3 = 0,79$), а ее очередной всплеск сдвинут вперед по тексту на восемь строк:

Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запыхала
И в мыслях молвила: вот он!

Здесь в 46-й строчке Письма $РГТ = 7,88$ и $K_3 = 38,12$ – этой строкой завершается второе восьмистишие третьей части, в конце которой параметры $РГТ$ и K_3 , принимая, как мы уже отмечали, свои максимальные значения во всей третьей главе, отчетливо указывают на контрапункт в развитии сюжета.

Временное рассогласование значений параметров $РГТ$ и K_3 в третьей части Письма требует объяснения, и оно, при внимательном отношении к тексту, достаточно прозрачно.

Второе 4-стишие (строки 35–38 Письма) – даже на фоне первого 4-стишия (строки 31–34) – высшая степень «экзальтации» юной Татьяны (Мейлах 1990, с. 254), лелеявшей мечту о своей любви по образцу и подобию романтических героинь XVIII столетия. Пушкин, и ранее допуская возможность предстоящей «беды», (например, «Погибнешь, милая...»), резким снижением экспрессии вновь посылает скрытый сигнал читателям: сомневайтесь («До гроба ты

хранитель мой...»?), но все же – «простите ей Вы легкомыслия страстей». Напомню, что величина РГТ здесь почти максимальна (РГТ = 6,65), но экспрессия минимальна ($K_3 = 0,79$).

Следующее 5-стишие (строки 39–43) повествует о «незримом» герое в снах Татьяны – гармония на этом отрезке Письма только уменьшается, а экспрессия, взлетев в 41-й строке «Твой чудный сон меня томил» до значения $K_3 = 22,96$, вновь резко снижается до величины $K_3 = 4,70$ в 43-й строке «... нет, это был не сон!». Вспомним, что в предыдущем случае (в XXXI строфе) уменьшение РГТ при росте K_3 соотносилось в тексте с «тайной тоскою», хотя там перепады значений были куда менее значительными. Теперь же фрагмент завершается снижением и K_3 , и РГТ – поэт посредством ритма, который *аккомпанирует* смыслу, будто бы хочет напомнить читателю свои предыдущие предсказания, и потому – лучше бы все эти «легкомысленные страсти» остались только в Татьянинных снах! Но нет... Мы же, вновь забегая несколько вперед, отметим, что читателю еще представится возможность встретиться с подобным эмоциональным накалом в пятой главе, «в ужасном пророческом сне Татьяны» (Набоков 1998, с. 54).

А сейчас в третьей главе – ее наиболее яркий эмоциональный всплеск – «ослепительная надежда» наяву (46-я строка; РГТ = 7,88 и $K_3 = 38,12$):

Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
 Вся обомлела, запылала
 И в мыслях молвила: вот он!

Следующие одиннадцать строк проходят под общим знаком вопроса: «Не правда ль?»: ответ не требуется, Татьяна вновь во власти «ослепительной» на-

дежды сновидений, которая незаметно трансформируется во всепоглощающее и ослепляющее чувство любви. В жизни возможен еще и не такой накал страстей, но... не в этот раз – все, что невозможно было удержать в себе, сказано, эмоции, бившие через край, нашли способ самовыражения, а силы если и остались, то самую малость – чтобы закончить Письмо. Итак, 56 и 57 строчки Письма:

Не ты ль, с отрадой и любовью,
 Слова надежды мне шепнул?

завершают второй и последний фрагмент этого «вставного» текста, связанный с романтическими мечтами Татьяны (РГТ = 3,99 и $K_3 = 2,93$). Сознание героини возвращается к реальностям бытия, и этот возврат характеризуется по-прежнему снижающимся уровнем гармонии (параметра РГТ) при достаточно осязательном (но теперь уже единственном!) подъеме экспрессии (в 60-й строке «Мои сомненья разреши», для которой РГТ = 3,29 и $K_3 = 6,85$):

Кто ты: мой Ангел ли хранитель,
 Или коварный искуситель?
 Мои сомненья разреши.

Интересно, что подобное поведение параметров в первом 4-стишии XXXI строфы соотносилось с «тайной тоской» поэта, читающего письмо Татьяны⁹. Здесь же, в самом Письме, это – последний заметный всплеск экспрессии, после которого величины K_3 до самого

⁹ Отметим, что в XXXI строфе подъем экспрессии был несколько более значителен (от величины 1,02 до 4,85) – мы, накапливая подобные факты, получим, скорее всего, возможность построить весьма любопытную и достаточно дробную шкалу эмоциональных состояний и соответствующих им значений ритмико-экспрессивных параметров пушкинского стиха.

конца Письма не превысят значения $K_3 = 2,38$ (строка 67-я «Твоей защиты умоляю...»).

Итак, заключительный фрагмент третьей части Письма (строки 58–75) характеризуется медленным снижением величин РГТ: последнее и совсем небольшое усиление гармонии приходится на 67 строчку (для которой РГТ = 3,64 и $K_3 = 2,38$), а для предыдущих строк:

Быть может, это всё пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...

значения РГТ и K_3 отражают не только пессимизм, но и, скорее всего, полный упадок душевных сил героини: РГТ не меняется, а K_3 уменьшается до нуля (РГТ = 3,32 и $K_3 = 0,00$).

Четвертая часть письма Татьяны лишь закрепляет печальный эмоциональный настрой предыдущих 4-стиший (РГТ не

меняется при практически нулевой экспрессии):

Кончаю! страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

Подводя итоги, отметим один весьма важный факт: как бы в письме Татьяны ни менялись величины параметра гармонии РГТ, они неизменно остаются весьма значительными и не опускаются ниже значения РГТ = 3,30: при среднем значении РГТ для всей третьей главы РГТ = 3,00 письмо Татьяны характеризуется средним значением РГТ = 4,43 (для сравнения: во второй главе РГТ = 2,28). Этот факт подтверждает правомерность многочисленных высоких оценок поэтического мастерства Пушкина, одну из которых мы уже приводили: «чудные стихи» (П. Анненков).

Литература

БЕЛИНСКИЙ, В. Г., 1948. *Собрание сочинений*: В 3 т. Москва: АН СССР. Т. 3.

БОЧАРОВ, С. Г., 1974. *Поэтика Пушкина*. Москва: Наука.

БОЧАРОВ, С. Г., 1999. *Сюжеты русской литературы*. Москва: Языки русской культуры.

ГРИНБАУМ, О. Н., 2000. *Гармония строфического ритма в эстетико-формальном измерении*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

ГРИНБАУМ, О. Н., 2004. Динамические аспекты организации писем Татьяны и Онегина (к вопросу о «гендерных» формах пушкинского стиха). *Ип: Пушкин и современная культура*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

ГРИНБАУМ, О. Н., 2007. *Гармония стиха Пушкина и математика гармонии*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

ГРИНБАУМ, О. Н., 2008. *Гармония стиха Пушкина*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

ГРИНБАУМ, О. Н., 2009. Буревестники фабулы, или Гармония и метафора в развитии

романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». *Respectus Philologicus*, Nr. 15 (20), 2009.

МАКАГОНЕНКО, Г. П., 1963. *Роман Пушкина «Евгений Онегин»*. Москва: Художественная литература.

МАКАГОНЕНКО, Г. П., 1987. *Избранные работы: О Пушкине, его предшественниках и наследниках*. Ленинград: Художественная литература.

МЕЙЛАХ, Б. С., 1990. «... сквозь магический кристалл...»: *Пути в мир Пушкина*. Москва: Высшая школа.

НАБОКОВ, В. В., 1998. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Санкт-Петербург: Искусство.

НЕПОМНЯЩИЙ, В. С., 1999. *Пушкин. Русская картина мира*. Москва: Наследие.

ПУШКИН, А. С., 1949. *Полное собрание сочинений*: В 16 т. Москва; Ленинград: АН СССР. Т. XI.

ФОМИЧЕВ, С. А., 1983. Рабочая тетрадь

Пушкина, ПД № 835 (из текстологических наблюдений). In: *Пушкин. Исследования и материалы*. Ленинград: Наука. Т. XI.

ШВАРЦБАНД, С. М., 2004. *История текстов: «Гавриилиада», «Подражание Корану», «Евгений Онегин»*. Москва: РГГУ.

Oleg N. Grinbaum

Saint-Petersburg State University, Russia

Research interests: theory of poetry, harmony, cognitive linguistics, “Golden Section”

CHAPTER 3 IN PUSHKIN’S NOVEL *EUGENE ONEGIN*: RHYTHM AND SENSE IN TATIANA LARINA’S LETTER

Summary

The article focuses on the issues of emotional and notional perception of Tatiana Larina’s letter in Chapter 3 of the novel *Eugene Onegin*. This letter is considered to be one of the best examples of Russian lyrics. It is written in iambic tetrameter, which differs from the rest poetic form of the novel written in Onegin stanza, and it is a remarkable example of a particular ‘embedded’ text of Pushkin’s narrative. The Tatiana’s text of confessing love to Onegin had already been written by Pushkin when he just started writing Chapter 3, however, it was eventually added to the last part of the chapter, just after stanza XXXI. According to experts on Pushkin’s works, when Pushkin finished writing stanza V, it took him almost a month to think over the further plot line of the novel, and

finally he decided not to let the hearts of the main characters ‘meet’. These facts create a particular cognitive-literary intrigue in the first thirty stanzas of the chapter since the poet while knowing the main plot line of the narration did not hasten to present the reader with the central fragment of this chapter. Taking into account harmonious and at the same time retrospective analysis of the poetic text, the mentioned circumstances confirm the need of dynamic study of large text fragments that could lead to its evaluation in the framework of general context of the plot development.

This study aims to analyse historical and literary facts in the light of unanimous rhythm and meaning of the poetical text; also, the article discusses the peculiarities of structural and rhythmic-dynamic harmony of Tatiana Larina’s text-letter. Moreover, the study indicates the capacity of harmonious (aesthetic and formal) verse creating methods which reveal certain points in the rising action in the plot taking into consideration its retrospective analysis. The obtained results show the possibility of broadening well known statements used in literary criticism about the ways and means of forming real ‘rising points’ (of plot development) in poetical texts by Pushkin.

KEY WORDS: prosody, harmony, rhythm, mathematics, “Golden Section”.

Gauta 2009 05 12

Priimta publikuoti 2009 05 20

RESPECTUS PHILOLOGICUS 2010 Nr. 17 (22)

Leidžiamas nuo 1999 m.

2010 04 14. Tiražas 150 egz.

Leidžia VU Kauno humanitarinis fakultetas ir
Uniwersytet Humanistyczno-Przyrodniczy Jana Kochanowskiego –
Wydział Humanistyczny w Kielcach

Išleido VšĮ Vilniaus universiteto leidykla
Universiteto g. 1, LT-01122 Vilnius
El. paštas: info@leidykla.vu.lt

Spausdino UAB CIKLONAS
J. Jasinskio g. 15, LT-01111 Vilnius